

Ю.Г. Коргунюк

ПРОБЛЕМЫ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ В ПРОГРАММАХ И ПРАКТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПОЛИТИЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ РОССИИ

Игнорировать проблемы вооруженных сил не может себе позволить ни одна политическая организация современной России, хотя, конечно, это не экономика и не социальная сфера, чтобы им отводили самое видное место. В программах практически всех партий и движений раздел «Вооруженные силы и национальная безопасность» помещается, как правило, на восьмом-девятом месте – где-то между «Внешней политикой» и «Культурой и образованием». Тем не менее такой раздел присутствует практически всегда и нередко – в достаточно серьезно проработанном виде. Однако предлагаемые решения носят скорее абстрактно-теоретический, можно даже сказать, книжный характер. Обусловлено это не в последнюю очередь тем, что при всей актуальности указанных проблем, их практическое решение, по сути, до сих пор не начато. Более того, перманентно углубляющийся на протяжении почти всех 90-х гг. экономический кризис только усугубил большинство из них.

Вооруженные силы – поистине ахиллесова пята постсоветского общества. Как бы ни относиться к пафосу радикально-ортодоксальных коммунистов, следует все же признать, что слова «из всех законных структур Советского государства она [армия] остается последней, не разрушенной окончательно “перестройкой”» [40], во многом справедливы. Вооруженные силы – это, действительно, наиболее архаичная, наиболее авторитарная часть государственного аппарата, зиждущаяся на основах, которые в принципе трудно совместимы с базовыми ценностями гражданского общества. Армия – это жесткая иерархическая вертикаль, построенная на отношениях господства и подчинения, для нормального функционирования которой требуется неукоснительное соблюдение принципа единоначалия. Попытки привнесения в армейский механизм договорных, гражданских отношений оборачиваются, как правило, разбалансировкой всей системы. Большинство проблем вооруженных сил, проявившихся еще до начала перестройки, как раз и были связаны с падением дисциплины, повлекшим в итоге утрату воинскими формированиями боеспособности, процветание всякого рода неуставных отношений («дедовщина», землячества и пр.), повальное воровство армейского

имущества, превращение рядовых военнослужащих в дармовую рабочую силу на дачах командного состава и т.п.

Реформирование вооруженных сил превращается в связи с этим в весьма сложную задачу. Для восстановления их боеспособности необходимо вернуть в них дисциплину, да и вообще усилить «авторитарное начало» в целом. Причем сделать это нужно таким образом, чтобы армия из источника опасности для гражданского общества превратилась в его защитника. К тому же военнослужащие должны оставаться полноправными гражданами, чей социальный статус гарантируется законом, а не зависит от произвола командования. Совместить эти противоположно направленные необходимости способно только сильное гражданское общество, полностью контролирующее деятельность вооруженных сил и целенаправленно проводящее их реформирование, причем осуществляющее это исключительно *извне*, поскольку попытка реформаторов опереться на союзников *внутри* армии неминуемо приведет к еще большему ослаблению авторитарного начала в армейском устройстве, а следовательно – к дальнейшему падению дисциплины и усугублению без того тяжелых проблем.

Поскольку гражданское общество в России до сих пор еще очень слабо, а на протяжении 90-х гг. его сторонники (в первую очередь, либералы) неуклонно сдавали позиции, ни о каких практических шагах по реформированию вооруженных сил не было и речи. Все ограничивалось теоретической разработкой различных аспектов такой реформы.

С другой стороны, для партий и движений антиреформистского, антилиберального толка вооруженные силы, ввиду их авторитарной сущности, являлись тем последним бастионом, сдача которого была бы равнозначна полному отказу от политической самоидентификации. При этом они, в общем-то, не испытывали нужды и в особом теоретизировании. Суть позиции антиреформистов сводилась к лозунгам «Руки прочь от вооруженных сил!» и «Вернуть армии прежнее финансирование». Что-либо аргументировать здесь, по большому счету, совершенно излишне. Поэтому сколько-нибудь подробные разделы, посвященные вооруженным силам, наличествовали в основном в программах тех организаций, которые еще только боролись за место на большой политической арене, например, Конгресса русских общин образца 1995 г. или Российского общенародного движения образца 1999 г. [20;27] Самая же крупная антиреформистская партия – КПРФ – в своих программных документах (в первую очередь, в партийной программе [22]) обмолвилась о проблемах вооруженных сил лишь несколькими скупыми фразами.

Разрыв между теорией и практикой в деятельности политических организаций не есть нечто ненормальное. Это скорее правило, нежели исключение. Более того, именно практическая нере-

шенность тех или иных вопросов и стимулирует бурное теоретизирование. Поэтому будет правильнее отдельно рассмотреть, каким образом проблемы вооруженных сил отобразились в программах различных партий и движений, и лишь затем – как наиболее влиятельные политические организации страны пытаются решать эти проблемы на практике.

1. Проблемы вооруженных сил в программных документах политических организаций страны

Как уже говорилось, проблемам вооруженных сил уделяют внимание подавляющее большинство партий и движений страны. Другое дело, что одни организации («Демократический выбор России» [25], Партия экономической свободы [26], «Яблоко» [13], КРО, РОД, «Наш дом – Россия» [18], ОПОО «Отечество» [39] и др.) посвятили им в своих программах достаточно подробные разделы, а другие ограничились набором лозунгов самого общего характера. В любом случае все разнообразие позиций, аргументаций, лозунгов можно свести к нескольким «пакетам».

Первый такой пакет условно назовем «общим», или «нейтральным», поскольку в него входят пожелания и требования, разделяемые всеми без исключения участниками политической жизни страны – независимо от их идейной ориентации. Второй можно назвать «реформистским», или «гражданским» (либеральным, демократическим), так как он включает положения, исходящие из необходимости серьезного реформирования вооруженных сил, установления над ними гражданского контроля и т.п. Третий – «охранительным», или «государственническим», поскольку относящиеся к нему пункты постулируют недопустимость отказа от того взгляда на роль и значение вооруженных сил, какой сложился еще в бытность России империей и был гипертрофирован в годы советской власти.

Кроме трех основных пакетов можно выделить несколько «подпакетов», каждый из которых является разновидностью какого-либо основного пакета, но с подчеркиванием специфики, определяющей политическое лицо конкретной организации.

А) Общий пакет

В общем массиве требований, предъявляемых к государственной политике в отношении вооруженных сил, есть такие, которые поддерживаются абсолютно всеми политическими организациями страны. Требования этого рода порождены проблемами, чей «возраст» исчисляется не одним десятилетием (некоторые из них вообще считаются чуть ли не вечными). Падение ВВП и сокращение бюджетных ассигнований на оборону в годы реформ во многом усугубили эти проблемы, но это не значит, что они их породили.

К числу «вечных» относится, в частности, проблема социальной защиты военнослужащих. Требования ее урегулирования –

общее место в программах любых партий и движений, начиная с Демсоюза и кончая ВКПБ и РНЕ. Как правило, здесь предлагается увеличить денежное содержание военнослужащих; создать эффективную систему социального страхования для них и членов их семей; улучшить их жилищно-бытовые условия; наладить трудоустройство и переподготовку увольняемых военнослужащих и т.п. В некоторых случаях сюда же добавляются пожелания, в которых явно проступает «советский» взгляд на предмет. В частности, ЛДПР требует предоставить военнослужащим широкий спектр льгот и привилегий [38], а Партия бедноты – создать для них «сеть всевозможных санаториев и пансионатов, лечебных и оздоровительных комплексов» [37]. Такой способ сглаживания остроты проблемы был обычен в советское время, в годы тотального дефицита, когда простое повышение жалования или пенсий еще не обеспечивало реального доступа к благам. Но и тогда он не приносил особого эффекта – сливки снимали не самые нуждающиеся (т.е. младший офицерский состав), а, напротив, обладающие наибольшими полномочиями. В нынешних условиях ни к чему, кроме расширения бреши в бюджете, это привести не способно.

Другая застарелая армейская проблема – т.н. неуставные взаимоотношения. С необходимостью их искоренения также согласны все, от демократов (СДПР, «Вперед, Россия!» и др.) до «государственников» (КРО) и национал-патриотов («Русское национальное единство»). Практически у всех решение этой проблемы связывается с укреплением дисциплины и наведением «жесткого порядка в армии» [12].

Несомненные «советские» корни имеет использование армии не по прямому ее назначению. Прекращение подобной практики – требование как демократов (Демсоюз, ДВР, «Яблоко» и др.), так и «патриотов-государственников» (Российский общенародный союз, КРО). Причем речь идет как об освобождении вооруженных сил от решения хозяйственных задач, так и об отказе от их задействования в полицейских акциях, в том числе по «разрешению социальных, этнических и иных внутренних конфликтов» [32].

Ряд требований к государственной политике в отношении армии вызван постсоветской действительностью, однако у политических организаций самой разной ориентации нет по их поводу фактически никаких расхождений.

В частности, все партии и движения признают необходимость выработки новой военной доктрины, «исходящей из реалий конца XX века и направленной в век XXI» [15]. В этом едины и «Общее дело», и «Вперед, Россия!», и «Наш дом – Россия», и КРО, и РОД, и КПРФ. Понятно, что касательно содержания новой военной доктрины в разных частях политического спектра существуют весьма разнообразные мнения, однако в том, что таковая необходима в принципе, не сомневается никто.

Также никто не отрицает необходимость модернизации вооружений, «поддержания самых передовых военных производств, технологий и научных центров» [16], оснащения армии «новейшими образцами оружия» [8]. С этим не спорят ни «Вперед, Россия!», ни «Яблоко», ни НДР, ни РОС, ни «Духовное наследие», ни Российская партия коммунистов.

Полное согласие наблюдается и по вопросу о необходимости государственного попечения нуждам военной промышленности. Под требованием Партии экономической свободы «способствовать рациональному использованию уникальных возможностей военно-промышленного комплекса, не допустить его разрушения, содействовать цивилизованной конверсии военного производства» [26] подпишутся и НДР, и КРО, и КПРФ.

Наконец, вопреки утверждениям различного толка антиреформистов (коммунистов, национал-патриотов, государственников), о повышении престижа армии, «формировании устойчивого позитивного общественного мнения в отношении Вооруженных Сил, авторитета воинской службы» [26] заботятся не только они, но и самые радикальные демократы и либералы, а фраза из программы НДР «Мы за возрождение национальных ценностей россиян применительно к боевым традициям армии и флота, славы русского оружия, за воспитание общества в духе патриотизма» [18] как будто списана из документов «народно-патриотической оппозиции».

Б) «Гражданский» пакет

Определение данного пакета как «гражданский» обусловлено тем, что в него включены требования, которые поддерживаются политическими организациями, объявляющими себя приверженцами гражданского общества. Это не только либералы, демократы (Демсоюз, «Демократическая Россия», ДВР, «Яблоко» и др.), но и центристы (НДР, Движение женщин России, ОПОО «Отечество», «Единство» и др.), социал-демократы и социалисты (СДПР, Социалистическая партия трудящихся, Партия самоуправления трудящихся, Социал-демократическая ассоциация, Союз народовластия и труда и др.), а в ряде моментов – отдельные представители социал-патриотического спектра (Конгресс русских общин образца 1995 г.) и даже некоторые неортодоксально настроенные коммунисты (Российская партия коммунистов образца 1992 г.).

Стержневым в этом пакете является, естественно, требование всесторонней и глубокой военной реформы. С тем, что необходимость ее назрела, соглашаются и многие «охранители» – в их программах словосочетание «военная реформа» мелькает достаточно часто. Однако смысл в это понятие «государственники» и «гражданственники» вкладывают разный. Первые трактуют реформу армии скорее как техническую проблему, вторые – как социаль-

но-политическую. «Охранителей» интересует исключительно повышение эффективности и боеспособности вооруженных сил, «гражданственники» ведут речь в первую очередь о вписывании армии в контекст гражданского общества, превращении ее наряду с прочими силовыми структурами в органичную составляющую демократического государства. Естественно, что и приоритеты при этом расставляются по-разному.

Первым из требований сторонников гражданского общества, выдвинутым еще на заре российской многопартийности, была деполитизация и деидеологизация армии. Под этим подразумевалось, прежде всего, упразднение партийного надзора за вооруженными силами, ликвидация института политработников и т.п. Отсюда и соответствующие положения программ: «Государственная армия должна подчиняться только государственным органам власти. Институт политотделов несовместим с правовым обществом» [3], «В Вооруженных силах недопустимо существование партийных организаций, партийная пропаганда должна быть запрещена Законом» [41]; «Вооруженные силы должны находиться под контролем парламента и немедленно быть деполитизированы. Они должны подчиняться только президенту и правительству» [41].

Требование деполитизации вооруженных сил не исчезло из программ демократических (либеральных) и центристских объединений и после августа 1991 г.. Призыв создать «такие условия, которые бы исключали использование армии в политических играх» [26] содержали документы как радикально-либеральных Демсоюза и ПЭС, так и вполне умеренных НДР и «Отечества». Достаточно привести, например, требование «законодательного закрепления независимости ВС от любых политических партий и организаций; подчинения армии только государственным органам власти» [36] (Демократический союз России) и тезис «Вооруженные Силы – инструмент государственной политики, а не средство внутриполитической борьбы» [39] (ОПОО «Отечество»).

Среди же «охранителей» призыв к деполитизации армии особой популярностью никогда не пользовался, а многие из них и вовсе не скрывали стремления вовлечь вооруженные силы в сферу своего идеологического влияния. Говорилось об этом, правда, завуалированно – в ход пускались заявления о необходимости «возрождения российского оборонного сознания» [27] или внедрения в армейскую среду «национальной патриотической идеи» [2], но сути дела это не меняет.

Один из основных пунктов «гражданского» пакета – установление эффективного гражданского контроля над вооруженными силами. В числе методов, которыми его предполагается установить, называются «повышение уровня информированности общества о Вооруженных Силах до уровня, принятого в других крупнейших военных державах» [26]; превращение Министерства

обороны в гражданское ведомство (в отличие от Генштаба), возглавляемое гражданскими лицами; жесткий парламентский контроль над военным бюджетом, подразумевающий открытое обсуждение последнего; «обеспечение прозрачности финансовых потоков, идущих в вооруженные силы» [19]; подчинение воинских частей юрисдикции общегражданских прокуратуры и судов; практическая реализация принципа «солдат – гражданин в форме» [26] и т.п.

Наиболее развернутое обоснование необходимости гражданского контроля над вооруженными силами в целом и превращения Министерства обороны в гражданское ведомство, в частности, дано в предвыборной платформе (1995) «Яблока»: «Гражданское управление необходимо прежде всего для выведения армии из политической борьбы, освобождения высшего военного командования от административных, хозяйственных и бухгалтерских функций. Без этого нельзя обеспечить эффективное политическое руководство военной политикой и военным строительством, их разумную открытость, демократический механизм принятия решений, при котором все органы власти и общество чувствовали бы ответственность за выполнение принятых обязательств по развитию ВС. Сверх всего, сейчас это необходимо для осуществления военной реформы, которую, как показал опыт последних лет, невозможно провести изнутри реформируемого ведомства. Гражданский министр обороны, не стесненный интересами видов вооруженных сил и родов войск, из которых выходят военные министры, имеет больше возможностей проводить беспристрастную политику внутри Минобороны. При этом он должен в полной мере опираться на экспертизу военачальников, военных и технических специалистов. Гражданский министр не страдает от противоречивой дилеммы сохранения лояльности президенту и поддержания своей популярности в армии. За ошибки президент может легко уволить такого министра и, соответственно, добиться их исправления, не нанося удара по престижу армии, как в случае с военным министром, который по определению должен быть самым авторитетным представителем ВС» [13].

Военная реформа в интерпретации «гражданственников» предусматривает обязательное сокращение армии до функционально необходимых размеров, приведение ее численности «в соответствие с экономическими возможностями и современным военно-политическим положением нашей страны» [39]. На заре российской многопартийности, еще в позднесоветские времена, речь шла также о «сокращении неоправданно высоких военных расходов» [23], однако в 90-х гг. этот пункт утратил свою актуальность, сменившись требованием оптимального использования средств, выделенных на нужды обороны. Кроме того, со временем в этом вопросе появились новые нюансы, – в частности, же-

лательность сокращения численности ВС «не за счет людей, а путем сокращения штатного расписания и лишних должностей, реорганизации структуры ВС, уменьшения числа ведомств, объединений и соединений» [13].

Другая неперемнная составляющая военной реформы в представлении приверженцев гражданского общества – переход к профессиональной армии и отмена в перспективе всеобщей воинской обязанности, с введением – как паллиатив – альтернативной гражданской службы. О необходимости перехода к профессиональной армии, так или иначе, упоминает весьма широкий круг политических организаций – от Демсоюза до ЛДПР и Российской народно-республиканской партии. Причем, достаточно далекие друг от друга по политической ориентации партии обосновывают это требование довольно похоже. Достаточно сравнить соответствующие места в программах РНРП (1997) и Молодежного союза ДВР (1998). В первом документе говорится: «Расхожее представление о том, что солдатом может и должен быть каждый юноша, неверно. Настоящим воином может стать далеко не каждый. Таких следует отбирать и профессионально готовить в процессе прохождения военной службы. Для остальных следует широко развивать альтернативные формы прохождения действительной военной службы» [29]. Во втором: «Военный – это такая же работа, как экономист, продавец, физик или слесарь. А экономисты и слесари не должны терять свою рабочую квалификацию в течение двух лет на несвойственной им работе. Мы считаем, что такой роскоши наша экономика позволить себе не может. И вполне естественно, если в армии будут служить профессионалы, способные качественно выполнять свою работу» [24]. Как видим, суть одна и та же.

При этом, следует отметить, ригоризм в вопросе о темпах перехода к профессиональной армии проявляют только радикалы из Антимилитаристской радикальной ассоциации, выступающие под лозунгом «В третье тысячелетие – без призывного рабства», или из Демократического союза, настаивающие на «недопустимости в мирное время принудительного призыва в ВС, как противоречащего свободе выбора места жительства, рода занятий и образа жизни» [36]. Даже ближайший союзник ДС – Партия экономической свободы признает, что переход к профессиональной армии может быть только постепенным [26], а в программе ДВР прямо сказано: «Упущенное время и экономический кризис не позволяют решить эту неотложную задачу немедленно, поэтому необходима ее поэтапная реализация: введение института младших командиров-профессионалов; упорядочение системы призыва; сокращение срока срочной службы; введение альтернативной службы; совершенствование контрактной службы...» [25].

Кроме того, в «гражданский» пакет входят такие требования, как: ограничение российского военного присутствия за рубежом (было характерно для программ демократических партий первой половины 90-х, впоследствии сошло на нет); отказ от сохранения огромных резервных мощностей в ВПК (также сохраняло актуальность только в первой половине 90-х); сокращение срока службы призывников и недопустимость отмены отсрочек для студентов (в отличие от предыдущих требований, является актуальным и поныне; см., например, один из пунктов проекта программы «Отечества»: «“Отечество” считает необходимым уже в ближайшее время ограничить срок службы по призыву полутора годами с дальнейшим его сокращением до одного года» [39]).

В) «Охранительный» пакет

«Охранительный» пакет – прямая противоположность пакету «гражданскому», что и неудивительно, поскольку он является непосредственным ответом противников кардинальной военной реформы ее сторонникам. Лозунги, составляющие «охранительный» пакет, – по сути, лишь зеркальное отражение тех требований, которые входят в пакет «гражданский». Так что в большинстве случаев от организаций, выступающих с «охранительных» позиций, не приходится ожидать сколько-нибудь развернутых обоснований недопустимости коренной реформы ВС.

Исключение составляют разве что партии и движения, которые еще только пытаются выйти на политическую сцену и потому вынуждены подводить теоретическую базу под свои претензии. Им надо представить себя как поколение политиков, более адаптированных к новым реалиям и потому обязанных сменить прежнюю генерацию. Типичный пример такой организации – Конгресс русских общин образца 1995 г. и Российское общенародное движение образца 1999 г. В их программах уже нет бескомпромиссного отметания требований реформаторов. Более того, против большей части этих требований «охранители» нового поколения в принципе и не возражают, просто считают их не вполне своевременными. А если и возражают, то стараются делать это аргументированно, без ссылок на некий «особый путь» России, признавая закономерность, а в чем-то даже и благотворность произошедших в обществе изменений. Но даже в этом случае военная программа «охранителей» лишена самостоятельности, поскольку строится на полемике с предложениями, направленными на интегрирование вооруженных сил в систему институтов гражданского общества.

Как правило, тезисы «охранителей» лишены какой-либо замысловатости и представляют собой простое отрицание всех требований, исходящих от реформаторов.

Так, если для «гражданского» пакета ключевым является требование кардинальной военной реформы, то «охранители»

или напрямую с порога отвергают ее необходимость (радикально-ортодоксальные коммунисты из ВКПБ или РКРП), или предостерегают против «попыток некритического копирования западных моделей и схем в отечественном военном строительстве» [27], или оговаривают, что реформирование вооруженных сил должно осуществляться «только с учетом геополитического и геостратегического положения страны» [11], или рекомендуют приступать к военной реформе только «при нахождении достаточных финансовых и материальных средств» [31]. В любом случае, к самому выражению «военная реформа» «охранители» испытывают стойкое недоверие.

Если реформаторы говорят о необходимости установления гражданского контроля над вооруженными силами, то «охранители» выступают категорически против вмешательства гражданских лиц в армейские дела. Характерный пример – пассаж из программы Российского общенародного движения (1999): «Министр обороны Российского государства не может быть гражданским лицом. Это подрывает его профессиональный авторитет и статус в войсках. Тем более что в современной России отсутствует позитивный опыт участия гражданских в военном управлении. Этот пост должен занимать не “политический комиссар” правящего режима, а профессиональный военный, с обязательным опытом командования общевойсковыми частями, соединениями и объединениями, а также военными округами (оперативно-стратегическими командованиями)» [27].

Если реформаторы призывают к сокращению вооруженных сил до функционально необходимых размеров, то «охранители» декларируют недопустимость «разрушения военно-промышленного потенциала», настаивают на его наращивании, увеличении численности армии («[ЛДПР] считает необходимым поддерживать численность Вооруженных Сил на уровне не менее 3 млн человек, с численностью офицерского состава – не менее 1 млн человек» [38]) и расходов на оборону.

Если реформаторы предлагают отказаться от сохранения излишних резервных мощностей в ВПК, то «охранители» требуют «остановить разрушительную конверсию» [21] и «спасти научный потенциал, оборонный комплекс и Вооруженные Силы» [22].

Если реформаторы настаивают на переходе к профессиональной армии и введении системы отсрочек, то «охранители» считают недопустимой отмену срочной воинской службы по призыву. Аргументация при этом может быть разной. Коммунисты, например, выступают за «народные по характеру и способу формирования ...армию и флот» [28], за «классовый характер Вооруженных Сил» [28]. Национал-патриоты и государственники, напротив, полагают, что сохранение системы отсрочек способно «привести к окончательному превращению Российской армии в

рабоче-крестьянскую» [27]. Но фактически для всех «охранителей» армия – «подлинная школа моральной и физической закалки молодежи, воспитания у нее гражданской ответственности, мужества и патриотизма» [37]. (Иногда, впрочем, в аргументации в защиту системы воинского призыва мелькают достаточно здравые соображения. Так, Российское общенародное движение убеждено, что формирование армии по профессиональному принципу допустимо только «в странах, рассчитывающих, что ее боевое применение будет осуществляться на зарубежной территории (США, Великобритания, Франция)» [27]. Рациональное зерно здесь заключается в том, что в ситуации, когда перед страной встает реальная опасность вторжения на ее территорию, воинская повинность автоматически превращается в гражданскую обязанность. Иметь же полностью профессиональную армию может только страна, исключая возможность такой угрозы.)

Если одним из требований реформаторов во времена поздней перестройки была деполитизация армии, а также демилитаризация системы образования и отмена в школах предмета «Начальная военная подготовка», то «охранители», напротив, ратуют за «восстановление системы военно-патриотического и духовно-нравственного воспитания военнослужащих и допризывной молодежи» [34]. Причем самые радикальные из них заявляют, что «[военно-]патриотическое воспитание молодежи» должно начинаться с начальной школы [33].

Наконец, наиболее ярким проявлением полемизаторской природы «охранительного» пакета являются требования «остановить наглые нападки на армию, оплаченные спецслужбами иностранных держав» [21], пресечь «грязную акцию по очернению военной истории, дискредитации армии, оскорбление памяти прославленных полководцев» [37]. Поводом для этой истерики является, естественно, критика армейского командования со стороны реформаторов. В понимании «охранителей» во всех проблемах вооруженных сил могут быть виноваты только «прозападный режим», «продажные реформаторы», Б.Ельцин, А.Чубайс и кто угодно еще, но никак не сами военные.

Г) Разновидности основных пакетов

Разумеется, требования, представленные в каждом из основных пакетов, отнюдь не исчерпывают всего разнообразия подходов к решению проблем вооруженных сил. Иногда встречаются достаточно специфические построения.

В частности, *радикально-ортодоксальные коммунисты*, всецело поддерживающие «охранительный» пакет, настаивают на «классовом характере Вооруженных Сил» [28] и в связи с этим подчеркивают, что «почетное право защищать социалистическое государство с оружием в руках будет предоставлено только трудящим-

ся, на нетрудовые же элементы будет возложено выполнение иных обязанностей по обеспечению укрепления обороноспособности страны» [28]. Кроме того, к данному подпакету можно отнести сугубо коммунистическое требование «развивать связи трудовых и воинских коллективов» [40], являющееся, по сути, данью партийно-советскому ритуалу. Наконец, сюда же примыкает протест против введения в армии института военных священников [30] – вещь довольно редкая, поскольку после августа 1991 г. на последовательно атеистических позициях остались, пожалуй, одни лишь радикально-ортодоксальные коммунисты и леворадикалы.

Национал-патриотам, также придерживающимся радикально-«охранительной» точки зрения на проблемы вооруженных сил, свойствен взгляд на армию как на инструмент национально-го и конфессионального доминирования. Это нашло выражение, в частности, в следующих заявлениях: «Армия должна быть очищена от лиц, которые не расстались с демократическими и интернационалистическими взглядами. Срочная служба в армии будет обязательна для каждого Русского» [10]; «Национальную безопасность России, ее независимость и стабильность призвана обеспечить Национальная армия» [17], «Православная армия вместо воинской наемщины по контракту» [35] и т.п.

Наконец, некоторые требования отражают узкую специфику тех или иных общественно-политических объединений. В частности, Мусульманское движение «Нур» на выборах 1995 г. выступало за «создание различных частей и подразделений ВС РФ с чисто мусульманским формированием личного состава» и за организацию «школ (курсов) начальной военной подготовки мусульман допризывного возраста в местах их компактного проживания» [14].

2. Проблемы вооруженных сил в политической практике партий и движений

Практическое воплощение партийных программ неизбежно отстает от их теоретической разработки. Этому есть масса объяснений.

Одно из них заключается в том, что для партий сферой приложения сил является общество в целом, т.е. макроуровень. Отстаиванием интересов тех или иных социальных групп на микроуровне занимаются, как правило, корпоративные организации. Поэтому любое объединение, поставившее своей задачей защиту интересов военнослужащих и вооруженных сил как института, неизбежно оказывается перед выбором: или довольствоваться решением частных проблем, отказавшись от претензий на статус организации общенационального уровня, или ради приобретения этого статуса отодвинуть в сторону «микроуровневые» вопросы.

Большинство организаций военнослужащих, возникших на рубеже 80–90-х гг., выбрали первый путь. Поскольку этот период был отмечен подъемом демократического движения, то и назван-

ные объединения не могли избежать политизации, тем более что их требования вполне согласовывались с лозунгами демократических партий и движений. Среди этих организаций следует отметить прежде всего Союз социальной защиты военнослужащих и членов их семей «Щит», а также многочисленные комитеты солдатских матерей. Что касается последних, то после августа 1991 г. их деятельность заметно деполитизировалась, а сами они занялись решением проблем отдельных военнослужащих, хотя в целом по своей политической ориентации по-прежнему оставались близки к либералам (демократам). Особенно очевидно это было во время так называемой «первой чеченской войны», когда комитеты солдатских матерей выступили едва ли не одной из главных движущих сил антивоенного движения. Те же организации, которые сосредоточились на чистой политике («Щит», «Военные за демократию»), довольно быстро растеряли сторонников и исчезли с политической сцены.

Что касается организаций антиреформистской направленности, претендовавших на выражение интересов военнослужащих, то они с самого начала избрали исключительно политическую деятельность и мало чем выделялись в этом плане из общей массы партий и движений данной части спектра. Среди подобного рода объединений следует в первую очередь упомянуть Союз офицеров (С. Терехов), Всероссийское офицерское собрание (В. Ачалов), Движение «В поддержку армии, оборонной промышленности и военной науки» (Л. Рохлин, В. Илюхин) и др.

Единственным исключением из общего правила является, пожалуй, созданная в мае 1995 г. Антимилитаристская радикальная ассоциация. Уже из названия этой организации можно понять, что своей задачей она поставила отнюдь не защиту интересов армии и военнослужащих, а совсем наоборот – защиту от армии тех, кто не желает в ней служить. Основателями АРА были российские сторонники Транснациональной радикальной партии – типичной либертарианской организации, не признающей ни государственных границ, ни наличия у отдельного индивида каких-либо обязанностей перед обществом (через документы ТРП красной нитью проходит нигде в явном виде не эксплицированная мысль, что обязанности могут быть только у государства, у граждан же – только права). Политическая позиция ТРП легко сводится к лозунгу «Все и сразу!», а сама она, кроме всего прочего, борется за легализацию легких наркотиков, освобождение животных из зоопарков и т.п.

Так вот, АРА, заявив своей целью принятие «демократического и недискриминационного закона об альтернативной гражданской службе», отнюдь не ограничилась проведением митингов и пикетов. Она вела целенаправленную работу среди призывников, разъясняя им, как следует оформить отказ от военной служ-

бы и потребовать удовлетворения своего конституционного права на АГС. В 1998 г. активисты Антимилитаристской радикальной ассоциации даже провели в Москве серию еженедельных консультационных семинаров для не желающих служить в армии. В результате своей деятельности сторонники АРА нажили себе в лице работников военкоматов лютых врагов, однако к процветанию организации это не привело. Численность Ассоциации снижалась из года в год, а на ее последнем съезде (16–17 января 1999 г.) лидер АРА Н.Храмов вынужден был даже поставить вопрос о самороспуске организации – в случае, если ей не удастся преодолеть тенденцию к снижению численности. Основная проблема «антимилитаристов» заключалась в «несознательности» не желающей служить призывной молодежи, которая в массе своей предпочитала безыдейно «косить» от армии – вместо того, чтобы вступать в конфликт с военкоматом и подвергать себя опасности судебного преследования. Так что опыт АРА по сочетанию политических форм борьбы и индивидуальной просветительской работы с отдельными призывниками трудно признать особенно удачным.

Другая серьезная проблема состоит в том, что для практического воплощения тех или иных политических установок мало иметь теоретическую разработку соответствующих преобразований, пусть даже самую детальную. В конечном итоге все будет зависеть от расстановки сил в обществе в целом и в органах власти в частности.

Для политической партии главной ареной борьбы за реализацию ее программы является парламент. От прочности позиций ее думской фракции, а также союзнических депутатских объединений зависит то, насколько адекватное воплощение получают ее цели в законодательстве, насколько велико будет ее влияние на формирование курса исполнительной власти и насколько серьезным – ее контроль над деятельностью последней и т.п.

В современной России реальную возможность контролировать процесс законотворчества политические партии получили только после декабря 1993 г., т.е. после избрания Государственной Думы первого созыва. До этого их влияние на парламентскую жизнь было ограниченным. Однако именно во времена беспартийного Верховного совета РФ сложился тот баланс сил, который определял отношение политической элиты и общества в целом к военным проблемам. И был этот баланс таким, что никаких сколько-нибудь заметных изменений в положении вооруженных сил ожидать не приходилось. Максимум, чего удалось добиться демократам по части военной реформы, – это упразднение армейских политотделов (абсолютно неизбежное после ухода КПСС с политической сцены), а также уменьшение срока службы в армии для призывников и восстановление системы отсрочек.

Сокращение вооруженных сил и средств, выделяемых на их содержание, к заслугам демократов отнести сложно – основную роль тут сыграла элементарная нехватка денег.

За период работы Госдум первого–третьего созывов достижения сторонников «гражданского» пакета оказались еще более скромными. Очевиднее всего был их неуспех в деле установления «эффективного гражданского контроля над вооруженными силами». Причем о таких кардинальных шагах, как превращение Министерства обороны в гражданское ведомство, речь даже не заходила. Неудачи начались уже на стадии попыток установить сколько-нибудь серьезный контроль за расходованием военными бюджетных средств. В частности, весной-летом 1995 г. был дважды провален в первом чтении проект закона «О военных расходах», устанавливавший единый порядок формирования, обоснования, утверждения, исполнения военного бюджета и контроля за его исполнением. В итоге вплоть до настоящего времени бюджет Министерства обороны отличается беспрецедентной закрытостью.

В этой связи весьма показательны жалобы представителей «Яблока». Так, по свидетельству А.Арбатова, при внесении в Госдуму проекта бюджета на 1999 г. открытая часть раздела «Национальная оборона» содержала всего три строки – «Строительство и содержание Вооруженных Сил», «Военная программа Минатома» и «Обеспечение мобилизационной и вневойсковой подготовки», хотя в соответствии с законом «О бюджетной классификации РФ» таковых должно быть не менее 180. С подачи правительства все целевые статьи и виды расходов предлагалось сделать закрытыми. «Этим ставилась преграда для открытого обсуждения в Государственной Думе и средствах массовой информации проблем и хода финансирования расходов на оборону. Налогоплательщики лишаются права знать, на какие конкретно цели расходуются государственные средства. Такое положение привело бы к ограничению возможностей гражданского контроля над деятельностью военных организаций, увеличению возможности нецелевого использования бюджетных средств» [1]. При этом в большую заслугу фракции «Яблоко» А.Арбатов поставил то, что благодаря ее усилиям все виды расходов по целевой статье «Содержание Вооруженных Сил» были открыты [1].

Другой представитель «Яблока» – М.Задорнов – в сентябре 2000 г. сетовал: «Минобороны – единственное ведомство, которое до сих пор не полностью переведено на систему Федерального казначейства. Не только президент и правительство, но даже сам министр обороны и Генштаб порой не знают толком, куда идут деньги на уровне частей и соединений. Сложившаяся в армии система запутанна, многоступенчата и не позволяет нормально управлять финансами. Ее крайне сложно оптимизировать: слишком многие не заинтересованы в этом. Долгое время военное руковод-

ство сопротивлялось переходу на казначейское исполнение бюджета, ссылаясь, в частности, на секретность. Кроме того, внутренняя расшифровка расходов Минобороны не соответствует бюджетной классификации: там действуют свои правила, так называемый «приказ 200». Очень плохо поставлена система бухгалтерского учета и отчетности» [42]. Как большое достоинство правительственного проекта бюджета на 2001 г. М.Задорнов расценил значительную детализацию статей, касающихся военных расходов: «Раньше разбивка оборонного бюджета шла только по крупным статьям: содержание армии, закупка вооружений, НИОКРы. Теперь (правда, в закрытой части бюджета) прописано, какие затраты предусматриваются не просто на вооружение, а на конкретные виды оружия и боевой техники» [42]. Правда, на вопрос «Повлияет ли это на прозрачность военных расходов?», он сам себе ответил: «Посмотрим» [42].

Не удалось сторонникам «гражданского» пакета провести через Думу и закон об альтернативной гражданской службе. Первый вариант проекта этого закона, разработанный еще Верховным советом РФ, так и не дошел до стадии обсуждения. В Госдуме первого созыва проект закона об АГС был разработан депутатами Е.Малкиным (ДПР) и В.Савицким («Выбор России»). Он предусматривал введение гражданской службы для лиц, убеждениям или вероисповеданию которых противоречит несение военной службы, срок АГС устанавливался в полтора раза выше срока службы для призывников, а одним из аргументов в пользу принятия закона было то, что его отсутствие позволяет заявляющим о желании проходить АГС избегать службы вообще. 14 декабря законопроект был принят в первом чтении, после чего дело явно застопорилось. В частности, второго чтения законопроект так и не прошел. В Госдуме первого созыва он рассматривался дважды – 24 мая и 8 декабря 1995 г. И оба раза его «топили» сторонники «охранительного» пакета (КПРФ, ЛДПР, АПР), выступавшие откровенными лоббистами Министерства обороны, которое стремилось превратить АГС в подобие стройбата – путем направления «альтернативщиков» во вспомогательные части армии.

В Госдуме второго созыва, где доминировали коммунисты и их союзники, законопроект согласовывался и пересогласовывался и в итоге был вынесен на второе чтение лишь через два с половиной года – 7 октября 1998 г. – и вновь провален усилиями фракций КПРФ и ЛДПР. При обсуждении законопроекта коммунист М.Сурков, в частности, заявил: «На сегодняшний день концепция этого законопроекта никак не отвечает интересам государства, она просто-напросто устарела» [44]. Закон, по его мнению, дает призывникам официальный повод уклоняться от службы в армии [44].

В Госдуме третьего созыва попытку возвратиться к обсуждению закона об АГС предприняли члены думской фракции «Союз правых сил» Э.Воробьев и Ю.Рыбаков. В апреле 2000 г. они внесли на рассмотрение палаты соответствующий законопроект. Однако Госдума с его рассмотрением спешить не стала, а дождалась, когда председатель думского комитета по обороне А.Николаев внесет собственный законопроект, существенно отличающийся от проекта «правых», зато куда более тепло встреченный в Министерстве обороны. Если согласно проекту Воробьева-Рыбакова замена воинской службы на АГС производилась фактически по первому требованию, то проект А.Николаева ставил призывников перед необходимостью доказывать несовместимость своих убеждений с воинской службой, причем соответствующим инстанциям предоставлялось право проверять добросовестность их заявлений. Если проект «правых» предусматривал прохождение АГС в основном по месту жительства, а ее срок устанавливал в 36 месяцев (в случае экстерриториальности – в 30 мес.), то согласно проекту А.Николаева альтернативная гражданская служба должна проходить только вдали от дома и желательно на территории воинских частей (исключение было сделано лишь для учителей и врачей, которым разрешалось работать по профессии, но только в тех местах, где ощущалась острая нехватка специалистов, в первую очередь, в сельских школах и больницах), а ее срок должен превышать срок воинской службы как минимум в два раза.

По мнению Ю.Рыбакова (одного из авторов «правого» законопроекта), «в случае принятия проекта Николаева служба для альтернативщиков превратится в каторгу» [47]. При этом он признал, что проект Николаева имеет больше шансов на успех, чем проект «правых» [47]. И здесь с ним вполне можно согласиться. Если учесть, что А.Николаев – член группы «Народный депутат», вошедшей в созданный в апреле 2001 г. Координационный совет центристских сил, то нет особых оснований сомневаться, что поддержка со стороны как собственного депутатского объединения, так и «Единства», «Отечества» и «Регионов России» его проекту обеспечена автоматически. А уж вопросом, какому проекту – Николаева или Воробьева-Рыбакова – отдадут предпочтение коммунисты, аграрии и ЛДПР, задаваться не приходится и вовсе. Николаевский проект удовлетворяет фактически всем требованиям, предъявляемым к закону об АГС сторонниками «охранительно-го» пакета. Впрочем, для принятия даже николаевского законопроекта еще надо дожить. И отнюдь не факт, что оно произойдет уже в ближайшем будущем.

Следует отметить, что «охранителям» удалось даже отыграть назад кое-что из утраченного в начале 90-х. В середине 1994 г. думский комитет по геополитике, большинство в котором составляли представители ЛДПР, по инициативе Минобороны внес на рас-

смотрение нижней палаты законопроект «О внесении изменений и дополнений в Закон РФ “О воинской обязанности и военной службе”», суть которого сводилась к двум основным положениям: увеличение срока службы по призыву до двух лет и ликвидация отсрочек для всех категорий призывников, кроме временно негодных к военной службе по состоянию здоровья. Против этого законопроекта выступили не только думские либералы («Выбор России», «Яблоко», «ЛДС 12 декабря» и пр.), но и некоторые центристы («Женщины России», ДПР). В частности, в заявлении фракции «Женщины России» говорилось: «Теперешний срок [службы по призыву] соответствует мировым стандартам и любое его увеличение будет расцениваться как нарушение прав человека; продление срока не предполагает одновременного увеличения расходов на содержание армии, а это означает, что ее качество все равно не улучшится. Кроме того, требуя продления срока, военные структуры идут по пути наименьшего сопротивления, не заботясь о том, чтобы использовать ресурсы» [5]. А в заявлении фракции ДПР отмечалось: «ДПР всегда выступала за укрепление обороноспособности страны. Поэтому мы считаем, что в сегодняшней ситуации даже самые жесткие, непопулярные меры, направленные на укреплении армии, необходимы и оправданны. Однако они должны носить комплексный характер и быть увязаны с коренной военной реформой. Недопустимо решать проблему по принципу «тришкиного кафтана», увеличивая призыв в армию за счет ослабления других направлений, жизненно важных для обороны страны. Именно к таким бессмысленным мерам мы относим положения нового закона, согласно которым граждане РФ не смогут продолжить профессионального образования, в том числе послевузовского, без перерыва на военную службу, что, несомненно, нанесет удар по российской фундаментальной и прикладной науке. В долгосрочном плане это самым тяжелым образом отразится на оборонной промышленности, и без того уже недопустимо ослабленной» [4].

Однако сила оказалась на стороне «охранителей». 16 ноября 1994 г. закон был принят в первом чтении, 7 апреля 1995 г. во втором и третьем, в том же месяце одобрен Советом Федерации, а в мае подписан президентом и вступил в силу, вызвав недовольство значительной части общества – прежде всего молодежи призывного возраста. Позже, в том же году, Дума попыталась несколько смягчить последствия этого шага и 8 декабря приняла закон, сохранявший 18-месячный срок службы для лиц, призванных до 1 октября 1995 г. или принимавших участие в боевых действиях в зонах вооруженных конфликтов. Были также введены отсрочки для некоторых категорий призывников. Законопроект был поддержан всеми депутатскими объединениями (кроме фракции ЛДПР), одобрен Советом Федерации, однако президент наложил на него вето,

и он вернулся в нижнюю палату, которая к тому времени сменила свой состав. Госдума второго созыва, контроль над которой перешел в руки коммунистов и их союзников, отказалась рассматривать законопроект в существующем виде и передала его в комитет по обороне, где за полтора года доработки он принял в корне противоположный первоначальным намерениям вид. В частности, закреплялась возможность принудительного направления военнослужащих-призывников для участия в боевых действиях или вооруженных конфликтах; вводилась процедура принудительного направления призывников на лечебно-оздоровительные мероприятия (в случае несоответствия их здоровья установленным требованиям); вводилась обязательная подготовка граждан к военной службе (включая «военно-патриотическое воспитание») и т.п. 10 сентября 1997 г. законопроект был принят в третьем чтении. После одобрения Советом Федерации он, правда, был возвращен президентом в Госдуму для повторного рассмотрения (при передаче проекта в СФ в него были внесены изменения редакционного характера), однако 6 марта 1998 г. нижняя палата вновь его приняла, и, утвержденный верхней палатой и подписанный президентом, 2 апреля того же года он вступил в силу.

Но неизменным и излюбленным требованием сторонников «охранительного» пакета было, конечно же, увеличение расходов на оборону. Тут представители КПРФ, ЛДПР и пр., как правило, не жались и запрашивали по максимуму. Впрочем, этой игрой увлекались и представители противоположного лагеря. Так, фракция «Яблоко» в Госдуме первого созыва числила в своих заслугах то, что ее поправки в проект бюджета на 1995 г. (который она, кстати, так и не поддержала) позволили увеличить финансирование военных расходов на 5 трлн рублей, погашение задолженности предприятиям по оборонному заказу – на 2 трлн руб., финансирование разработок современных вооружений и военной техники – на 700 млрд руб. [9] Аналогичные поправки «Яблоко» вносило в проекты бюджетов и в последующие годы [1].

Впрочем, даже здесь между «охранителями» и «гражданственниками» была заметна существенная разница – если первые рассматривали увеличение военных расходов как универсальное средство от всех напастей, свалившихся на вооруженные силы, то вторые сопровождали это требование вопросами: куда именно пойдут выделенные средства, как проконтролировать, чтобы они были израсходованы именно таким, а не иным, «нецелевым» образом, и т.д.

По сути, настойчивость в требовании контроля за военными расходами – безошибочный индикатор, недвусмысленно показывающий, насколько последовательно та или иная политическая организация следует положениям «гражданского» пакета не только в теории, но и на практике. Характерной в этом свете является

реакция различных фракций и групп Госдумы третьего созыва на события вокруг подводной лодки «Курск». Нет ничего удивительного в том, что КПРФ или ЛДПР увидели в трагедии прекрасный повод, чтобы потребовать увеличения расходов на оборону. Но к тому же самому призвали и центристские «Единство», «Народный депутат» и «Отечество – Вся Россия», в программах которых провозглашен вполне «гражданский» подход к решению проблем вооруженных сил. И только Союз правых сил и «Яблоко» заявили, что о расширении военного бюджета можно будет говорить только после того, как он станет открытым, а за его исполнением будет установлен полноценный парламентский и гражданский контроль. В частности, как отметил В.Лукин («Яблоко»), «совсем не очевидно, что аварии на подводных лодках можно предотвратить простым увеличением военного бюджета. Рост расходов на оборону может привести к тому, что появится много новых генеральских и адмиральских вилл, а солдатам и офицерам от этого ничего не перепадет» [7].

Впрочем, надо отметить, что и в заявлении фракции «Отечество – Вся Россия», наряду с требованием увеличить финансирование вооруженных сил до уровня 3% ВВП, присутствует рассуждение следующего свойства: «Структура военного бюджета и его исполнение должны быть под контролем законодательного органа. Одновременно необходимо покончить с навязанной Министерству обороны практикой посреднических услуг, которая приводит к обогащению дельцов и коррумпированных чиновников. Должна быть доведена до конца военная реформа, без чего любые попытки перелома нынешней тяжелой ситуации в Вооруженных Силах обречены на провал» [6]. Однако эти требования выдвинуты без определения конкретных сроков, тогда как на увеличении военных расходов ОВР настаивает не в какой-то отдаленной перспективе, а, что называется, здесь и сейчас.

Все это еще раз подчеркивает недостаточность идеологического принципа классификации политических объединений. Что толку в программных различиях, когда вроде бы противостоящие друг другу по идеологии партии и движения на практике требуют одного и того же? И КПРФ, и «Единство», и ОВР объединяет одинаковая социальная природа – это типичные чиновнические образования, выражающие и представляющие интересы тех или иных слоев современной российской бюрократии. И близость их практических позиций в отношении проблем вооруженных сил обусловлена именно этим.

Во-первых, свою роль играет более-менее бескорыстное стремление холить и лелеять армию как один из столпов того государственного устройства, которое для чиновника является единственно возможным, т.е. жесткой иерархической вертикали, не признающей никакого контроля извне – со стороны общества. От-

сюда и готовность выделять вооруженным силам любые средства, не требуя отчета об их использовании. Последнее, в понимании бюрократии, – прерогатива высших чинов военного руководства.

Во-вторых, чиновники делят не свои, а чужие деньги, т.е. определяют не то, какую часть *собственного* дохода они направят на государственные нужды, а то, каким образом они, не без выгоды для себя, будут распределять налоги, взысканные с *других* людей. Отсюда их относительное равнодушие к тому, за счет чего будет наполняться бюджет и насколько реальны закладываемые в него доходы. Отсюда их маниакальное стремление накачать расходную часть, пусть даже дутыми деньгами. Все равно за исполнение доходной части отвечать будут не они, а умение «выбить» строку в бюджетных расходах в любом случае не останется без вознаграждения.

В-третьих, нельзя сбрасывать со счетов и чисто лоббистские соображения. При нынешней непрозрачности военного бюджета с руководством различных подразделений Министерства обороны достаточно легко договориться, чтобы какая-то часть контрактов была подписана с «нужными» фирмами. А то, что чиновники – идеальные лоббисты, в особых доказательствах не нуждается.

Что касается ЛДПР, неоднократно и словом и делом доказывавшей свою преданность догматам «охранительного» пакета, то ей, как типично люмпенской организации, все вышеперечисленные особенности свойственны в еще большей, если не утрированной, степени. Люмпены – и самые пламенные апологеты насилия, а следовательно, приверженцы взгляда на армию и силовые ведомства как на единственные заслуживающие уважения государственные структуры, и большие любители поделить чужие деньги, да и по части лоббизма способны дать фору любому чиновнику.

Неудивительно поэтому, что все реформаторские инициативы увязли в Государственной Думе как в болоте. Ведь каждый состав нижней палаты формировался в основном из представителей тех или иных отрядов бюрократии, руководствующейся в своей деятельности прежде всего корпоративными, а то и просто шкурными интересами. В частности, законодательное увеличение срока службы по призыву было инициировано чиновниками из Минобороны и осуществлено благодаря поддержке не только ЛДПР и КПРФ, но и прочих чиновничьих фракций и групп, в том числе и тех, которые на словах являлись сторонниками «гражданского» пакета (например, ПРЕС).

Впрочем, именно потому, что Госдумы всех трех созывов были чиновничьими (а не люмпенскими), в лоббировании «охранительного» пакета они не переступали известных границ. В отличие от люмпена, чиновник достаточно хорошо чувствует грань,

за которой чрезмерно разросшиеся аппетиты ведут к краху всей системы государственных обязательств. Поэтому некий баланс между требованиями «гражданского» и «охранительного» пакетов все же существовал, что, в частности, выразилось в принятии закона «О военной реформе в Российской Федерации», содержавшего, по сути, одни трюизмы. В разработке законопроекта принимали участие как представитель КПРФ А.Макашов и лидер Движения «В поддержку армии, оборонной промышленности и военной науки» Л.Рохлин, так и член Политсовета партии «Демократический выбор России» Э.Воробьев, а за его принятие высказывались представители всех без исключения фракций Госдумы второго созыва, благодаря чему в каждом чтении он набирал не менее 300 голосов.

В силу того, что положения закона носили самый общий характер и, по существу, никого ни к чему не обязывали (так, определение сроков и содержания военной реформы, а также руководство ее проведением возлагалось на президента), каждая из сторон находила в нем что-то ей импонировавшее. Так, А.Макашов полагал его достоинством то, что военная реформа, согласно законопроекту, «должна проводиться с целью повышения боеготовности и обороноспособности своего государства», а в период «проведения реформы и стабилизации экономики» комплектование вооруженных сил должно производиться по призыву [43]. Недовольство же Правового управления администрации президента РФ тем, как законопроект определяет цели военной реформы («создание в Российской Федерации единой государственной военной организации, повышение ее боевой и мобилизационной готовности, боевой способности; приведение военного потенциала в соответствие с потребностями Российской Федерации в обеспечении обороны и безопасности государства»), А.Макашов объяснял следующим образом: «Не желают сегодняшние власти иметь крепкие вооруженные силы!» [46]. На самом деле какую-либо практическую ценность в декларациях о необходимости укрепления армии мог усмотреть только ярый антиельцинист, приписывающий своим оппонентам сознательное стремление разрушить страну. Критики же закона просто не видели необходимости оформлять законодательно то, что и так является само собой разумеющимся.

На взгляд же «гражданственников», достоинством законопроекта было признание необходимости военной реформы как таковой, а также «создания правовой основы гражданского контроля в области обороны и безопасности государства». Кроме того, по словам представителя «Яблока» А.Арбатова, «положительными сторонами предъявленного законопроекта является то, что четко определены цель и содержание военной реформы (статья 2), определены основные принципы военного строительства в пери-

од проведения военной реформы (статья 3), в соответствии с Конституцией Российской Федерации четко определяется, кем проводится военная реформа, кем она контролируется и кто является ответственным за ее проведение. Определены полномочия органов государственной власти Российской Федерации и других органов на федеральном уровне» [43]. Впрочем, его коллега по фракции Е. Мизулина насчет ценности законопроекта придерживалась в корне противоположного мнения: «Этот закон совершенно бессмысленный, он ничем не отличался бы от постановления Думы о военной доктрине, о концепции, о подходе... В нем нет правил поведения. Я уже не говорю о том, что статья 5 [«Сроки проведения военной реформы и основные мероприятия военной реформы определяются Президентом Российской Федерации»] практически делает закон вообще бессмысленным. Здесь записано: сроки, содержание и мероприятия – все это определяется Президентом Российской Федерации. Поэтому это совершенно бессмысленный закон, он загромождает правовую систему и разрушает правовое сознание. Он вредный» [45].

24 декабря 1998 г. закон был отклонен Советом Федерации, причем основанием послужил именно его декларативный и ни к чему не обязывающий характер. Однако 12 февраля 1999 г. Госдума 368 голосами (при 2 «против» и 1 воздержавшемся) преодолела несогласие верхней палаты. Закон, правда, так и не вступил в силу, поскольку до сих пор не подписан президентом, однако вряд ли это обстоятельство хоть как-то повлияло на ход военной реформы – как в позитивном, так и в негативном плане.

3. Заключение

Таким образом, противостоящие друг другу в теории «гражданский» и «охранительный» подходы к проблемам вооруженных сил, переходя в область политической практики, взаимно погашаются, что приводит к возникновению определенного равновесия: у реформаторов недостаточно сил, чтобы сколько-нибудь заметно продвинуться по пути установления гражданского контроля над вооруженными силами, а мечтам «охранителей» не дано осуществиться в силу причин финансового свойства. В итоге вооруженные силы повисают между небом и землей. Прежний, «советский», размах им уже не по средствам, а реформировать себя сами, изнутри, они не в состоянии – необходимо серьезное давление извне – со стороны общества и, прежде всего, парламента. Однако, именно этого давления чиновничья по своему составу Госдума оказывать не может и не хочет. И данная ситуация будет сохраняться, пока ведущей силой на социально-политической сцене страны, а следовательно и в стенах парламента, остается бюрократия.

Надежду же на то, что проблемы вооруженных сил можно решить просто дав армии больше денег, следует признать иллю-

зорной. Самые глубокие из этих проблем возникли задолго до перестройки, т.е. во времена, когда на нужды обороны выделялась едва ли не основная часть бюджета страны. Да и вообще поклонникам афоризма «Кто не хочет кормить собственную армию, тот будет кормить чужую» следует помнить, что, как и всякий афоризм, он страдает односторонностью и нуждается в существенном уточнении – приблизительно таком: «...но не следует позволять военным садиться вам на голову, иначе, для того чтобы быть обобранными до нитки, чужой армии просто не понадобится».

4. Источники

1. Арбатов, А.Г. «Яблоко» и армия. 1999 год // Сайт объединения «Яблоко» – <http://www.yabloko.ru>.
2. Антикризисная программа Либерально-демократической партии России (1998). – *Этот и прочие программные документы, используемые в данной статье, взяты из базы данных «ПартАрхив», размещенной в Интернете по адресу:* .
3. Временный вариант программы Демократического Союза (1990).
4. Заявление фракции ДПП по поводу принятия закона «О внесении изменений и дополнений в закон “О воинской обязанности и военной службе». 18.04.1995 // База данных «ПартАрхив». – <http://www.indem.ru/pa98>.
5. Заявление фракции «Женщины России» // Партинформ, № 13 (116), 29 марта 1995 г.
6. Заявление фракции «Отечество – Вся Россия» // Официальный сайт ОПОО «Отечество» (). Новости. 24.08.00.
7. Интервью В.Лукина «Общей газете». Дума вступает в спокойный сезон. Законодательных «хитов» в осенней повестке нет. Беседовала Елена Токарева // Общая газета, № 36, 7 сентября 2000 г.
8. «К великому будущему России». Программа партии «Российский общенародный союз»; принята IV съездом РОС 26 марта 1995 г.
9. О деятельности фракции «Яблоко» в парламенте (1994–1995 гг.) // Сайт объединения «Яблоко» – <http://www.yabloko.ru>.
10. Основные положения программы движения «Русское национальное единство» по построению национального государства (1994).
11. Основные тезисы Программы Всероссийского общественно-политического движения «Духовное наследие» (1995).
12. Платформа депутатской группы «Либерально-демократический союз “12 декабря”» в Госдуме первого созыва (апрель 1994 г.).
13. Политическая платформа общественного объединения «Яблоко»; принята за основу II съездом в сентябре 1995 г.

14. Политическая программа Общероссийского мусульманского общественного движения «Нур» (1995).
15. Предвыборная программа объединения «Общее дело» (1995).
16. Предвыборная программа «Яблока» на выборах депутатов Государственной Думы 1999 года «Будущее. Доверие. Безопасность».
17. Программа Всероссийского общественного патриотического движения «Русское национальное единство»; принята I Всероссийским (учредительным) съездом РНЕ 15 февраля 1997 г.
18. Программа Всероссийского общественно-политического движения «Наш дом – Россия»; утверждена II съездом НДР 2 сентября 1995 г.
19. Программа действий Молодежного «Яблока» «Пять приоритетов нашего поколения» (1999).
20. Программа избирательного объединения «Конгресс русских общин» (1995 г.)
21. Программа избирательного объединения «Спас» (1999).
22. Программа Коммунистической партии Российской Федерации; принята III съездом КПРФ 22 января 1995 г., с дополнениями и изменениями, принятыми IV съездом КПРФ 20 апреля 1997 г.
23. Программа Конституционно-демократической партии (Партии народной свободы) (1991).
24. Программа Молодежного союза «Демократический выбор России» (1998).
25. Программа партии «Демократический выбор России»; принята учредительным съездом ДВР 12 июня 1994 г.
26. Программа Партии экономической свободы по военному вопросу; принята IV съездом ПЭС 28-29 марта 1995 г.
27. Программа Российского общенародного движения; принята IV съездом РОД 15 мая 1999 г.
28. Программа Российской коммунистической рабочей партии; принята VIII съездом РКРП 29 ноября 1998 г.
29. Программа Российской народно-республиканской партии; принята учредительным съездом РНРП 15 марта 1997 г.
30. Программа Российской партии коммунистов; принята I съездом РПК 5–6 декабря 1992 г.
31. Программа Российской партии народного коммунизма; принята учредительным съездом РПНК 22 марта 2000 г.
32. Программа Социалистической народной партии России (1996).
33. Программа «Черной сотни» (1999).
34. Программное заявление общероссийского общественного движения «В поддержку армии, оборонной промышленности и военной науки» (1997).

35. Программные основы Народной национальной партии (1995).
36. Программные принципы партии «Демократический союз России»; приняты II съездом ДСР 6–7 ноября 1993 г.
37. Проект основных тезисов программы Партии бедноты России (1994).
38. Проект программы Либерально-демократической партии России; подготовлен и опубликован Политсоветом ЛДПР в 1995 г.
39. Проект программы Общероссийской политической общественной организации «Отечество»; рассмотрен II съездом 24 апреля 1999 г.
40. Проект программы Российской коммунистической рабочей партии // Воля, спецвыпуск № 1, апрель 1992 г.
41. Проект программы Социал-демократической партии России «Путь прогресса и социальной демократии» (1991).
42. Скоробогатко Татьяна. Зачем бюджету секреты. Контроль общества за доходами и расходами государства – утопия или реальность? На вопросы «МН» отвечает Михаил Задорнов // Московские новости, № 36 (1054), 12–19 сентября 2000 г.
43. Стенограмма утреннего пленарного заседания Госдумы 3 июня 1998 г. – *Эта и прочие стенограммы пленарных заседаний ГД взяты с Интернет-сервера «АКДИ Экономика и жизнь». Информационный канал Государственной Думы ФС РФ. Пленарные заседания.* – http://www.akdi.ru/gd/PLEN_Z/1998/.
44. Стенограмма утреннего пленарного заседания Госдумы 7 октября 1998 г.
45. Стенограмма утреннего пленарного заседания Госдумы 18 ноября 1998 г.
46. Стенограмма утреннего пленарного заседания Госдумы 2 декабря 1998 г.
47. Росбизнесконсалтинг. 23.04.2001.